

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ А. Д. АЛЕКСАНДРОВА

С. С. Кутателадзе

Воспоминания — специфический жанр литературы, в котором неизбежны враньё и яканье. Последние были так ненавистны Александру Даниловичу, что завидовать авторам, пишущим о нём в этом жанре, не приходится.

Случилось так, что с конца 70-х годов до смерти А. Д. я имел честь и счастье постоянного общения с ним. Писать воспоминания много легче по прошествии достаточно долгого времени. Старшие товарищи все же убедили меня отразить какие-либо подробности сибирского периода жизни А. Д.

Мне немало доводилось писать об А. Д. в традиционных (и не вполне) формах научной публицистики. Я рад, что он меня никогда не ругал за это. Поэтому я считаю себя вправе не давать здесь обзора научных достижений А. Д.

Многие события, в которых мне довелось наблюдать А. Д. или даже участвовать ему, были не так давно, чтобы стать бесстрашной историей. Не все захотелось ворошить и переживать вновь. Просматривая личный архив, я отобрал малую часть материалов, в которых отражен А. Д., каким он был для меня и каким я его знал. Приведенные эпизоды, возможно, заинтересуют читателя некоторыми штрихами к биографии этого большого и яркого человека.

Я буду рад, если кому-то, как и мне, уроки жизни А. Д. придадут силы или подскажут решение в кризисные моменты...

Гнев и самокритика

Особой чертой А. Д., которую мне бы хотелось подчеркнуть, была физиологическая реакция гнева на опасность, нападение или оскорбление. Известно, что в этих обстоятельствах у людей наблюдается также и эмоция страха (бледность, холодный пот). Полководцы древности часто отбирали в свои войска именно воинов с реакцией гнева на опасность.

А. Д. демонстрировал классические образцы эмоции гнева: он багровел, раздувал грудь, появлялся оскал. А. Д. прекрасно понимал какой страх он

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН Препринт № 80, декабрь 2000

© 2001 Кутателадзе С. С.

вызывал у виновников своего гнева. Необоснованного гнева А. Д. мне видеть не доводилось.

Многолетний опыт общения с Александром Даниловичем выработал во мне стойкий стереотип: Каждый ненавистник А. Д. является потенциальным (если не законченным) негодяем.

В общении с близкими А. Д. был исключительно доброжелателен, даже нежен, внимателен и предельно щепетилен.

Человек страстей, А. Д. оставался самокритичным. Мне доводилось писать, что самокритичность является необходимым признаком ума. А. Д. многократно пересматривал свое отношение к людям и поступкам, демонстрируя преданность своим идеалам нравственности. В качестве последних А. Д. указывал человечность, или универсальный гуманизм, ответственность и научность.

В порядке маленькой иллюстрации скажу, что А. Д. без всякого разъяснения своей позиции голосовал против приема к защите моей кандидатской диссертации в 1969 г. Открытое голосование академика против при таком малозначительном событии, как прием какой-то кандидатской диссертации случается не часто. Моя диссертация относилась к анализу, но называлась «Смежные вопросы геометрии и математического программирования» и примыкала к работам А. Д. Александрова по теории смешанных объемов и работам Л. В. Канторовича в области оптимизации и теории упорядоченных пространств. Ясно, что немотивированный поступок А. Д. произвел впечатление не только на меня.

Мне казалось, что эта работа должна быть интересна А. Д. (отзыв головной организации писал В. А. Залгаллер, а основной мой технический результат развивал одну неопубликованную идею Ю. Г. Решетняка в теории меры). Делая доклад на защите, я несколько переживал и поглядывал в сторону А. Д. При моих словах о том, что представленная диссертация использует методы математического программирования Л. В. Канторовича и теорию поверхностных функций А. Д. Александрова, послышался шум в затемненном зале: А. Д. встал и молча вышел. Легко представить мое смятение. Правда, голосование было единогласным.

Через много лет, когда мы давно уже были близки с А. Д., я как-то напомнил ему эту историю. На что А. Д. ответил мне: «Не было этого!» (Надо знать А. Д.: когда он забывал на самом деле или сомневался, он говорил: «Не помню». Своей фразой А. Д. вычеркивал весь обсуждаемый эпизод.)

Приятно вспомнить, что я получил сатисфакцию от А. Д. В семидесятые годы — в результате каких-то ВАКовских махинаций — моя уже утвержденная на секции по представлению Е. М. Никишина докторская диссертация была направлена на дополнительный отзыв. «Черным» оппонентом, по счастью, оказался А. Д., и я получил похвалу за изопериметрические задачи с произ-

вольными ограничениями на смешанные объемы.

М. А. Лаврентьев и книга по методологии математики

Рассказывая об участии в идеологических столкновениях 40-х и 50-х годов, А. Д. говорил о тактике упреждающих ударов. Об одном из них стоит напомнить.

В 1953 г. Академией наук СССР типографским способом был издан фолиант в 70 печатных листов под названием: «Математика, ее содержание, методы и значение». Редакционную коллегию тома составили А. Д. Александров, А. Н. Колмогоров и М. А. Лаврентьев.

Восемнадцать глав книги, ориентированной на массового читателя, были написаны тринадцатью авторами. Среди них И. М. Гельфанд, М. В. Келдыш, М. А. Лаврентьев, А. И. Мальцев, С. М. Никольский, И. Г. Петровский, С. Л. Соболев. Диссонансом служил предельно малый по тем временам тираж книги — 350 экземпляров, каждый из которых был снабжен порядковым номером на титульной странице и грифом «Напечатано для обсуждения».

Лишь в 1956 г. эта книга была издана достаточным тиражом и сразу же стала событием в мировой математической литературе. Достаточно сказать, что только в Кембридже она переиздавалась трижды.

Понятно, что для появления столь необычного сочинения имелись весьма нетривиальные причины. Целью этого труда была защита математики от антинаучных атак того времени.

Нанести мощный упреждающий удар по лжеученым от марксизма, пытающимся затормозить развитие отечественной математики, покончить с ними, по возможности, навсегда, — вот увенчавшийся почти полным успехом замысел создания монографии. В ней признанные лидеры математики, не сбываясь на узкопрофессиональные нюансы, дали детальный анализ таких принципиальных общенаучных вопросов, как предмет математики и сущность математических абстракций, взаимоотношения теоретической и прикладной математики, связь математических исследований с практикой. Книга стала одной из вершин методологии математики.

Душой предприятия был А. Д. Помимо двух специальных глав о кривых и поверхностях и об абстрактных пространствах, им сделан «зачин» — написана вводная глава «Общий взгляд на математику», содержащая анализ общепифлософских проблем математики.

Работа над книгой сблизила А. Д. и М. А. Лаврентьева. По приглашению Михаила Алексеевича в 1964 году А. Д. Александров перешел на работу в Сибирское отделение Академии наук. А. Д. гордился тем, что Михаил Алексеевич единолично выдвинул его в академики, причем А. Д. был освобожден от бумажных формальностей. Узнав, что на ту же вакансию выдвинут Л. В. Кан-

торович, А. Д. стал отказываться, но М. А. уговорил его этого не делать. Мудрый Михаил Алексеевич оказался прав: выбрали обоих — тогдашний Устав это позволял.

А. П. Александров и полемика о статье Н. П. Дубинина

Защитой науки и отдельных ученых А. Д. занимался и в сибирский период. Немало людей он вывел из-под пресса научных и околонаучных проходимцев, делавших карьеру в 70-е и 80-е годы. Не хочется вспоминать эти истории, аналоги которых знакомы большинству научных коллективов.

Хочу здесь особо напомнить бойцовскую позицию А. Д., занятую им в связи с опубликованием в журнале «Коммунист» № 11 от 1980 г. статьи Н. П. Дубинина «Наследование биологическое и социальное».

А. Д. расценил это сочинение как «выдающееся произведение антинаучной литературы». Чтение статьи Н. П. Дубинина и полемики вокруг нее, по моему убеждению, столь же полезно молодому ученому любой специальности, как и изучение стенограммы печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ, проходившей в августе 1948 г.

Не вдаваясь в пересказ всего сочинения Н. П. Дубинина, отмечу один из заключительных мировоззренческих выводов этой статьи:

«Без понимания действительных научных основ проблемы человека, нельзя правильно оценить порочную сущность неоевгенических идей, замаскированных вывеской новых открытий в естествознании, в частности, в молекулярной биологии и генетике. Причем проблема эта такова, что в ней особенно наглядно совпадают критерий истинности и принцип партийности».

А. Д. находил особую мерзость в попытке сделать партийность критерием истинности и считал это не случайным. Его худшие опасения оправдались: в редакционном комментарии по итогам обсуждения статьи Н. П. Дубинина в «Коммунисте» № 14 от 1983 года отмечалось:

«Главным критерием оценки философской значимости теоретических работ является их идейная направленность, чистота классовых, мировоззренческих и методологических позиций».

Практику как критерий истинности стремились похоронить окончательно.

А. Д. старался активно пропагандировать свою позицию по отношению к статье Н. П. Дубинина: он выступал на методологических семинарах в различных учреждениях, тщетно пытался напечатать свои соображения. К счастью (такое случалось с А. Д. весьма редко), он получил поддержку со стороны А. П. Александрова, в те годы Президента АН СССР, который предоставил

А. Д. слово на Общем собрании АН СССР 21 ноября 1980 г. (вариант выступления А. Д. и ответная реплика Н. П. Дубинина опубликованы в Вестнике АН СССР № 6 от 1981 г.).

А. Д. всегда подчеркивал, что дело науки узнать «как оно есть на самом деле». Этим подходом он руководствовался и в данном случае:

«Действительная проблема состоит в исследовании того, какие черты психики, каким образом, в какой степени зависят от наследственности или от социальных условий. Но Н. П. Дубинин закрывает эту проблему в отношении нормальных людей, оставляя ее медицинской генетике в отношении только людей ненормальных».

А. Д. рассказал мне после собрания, что Анатолий Петрович ответил на его просьбу о выступлении словами: «Вы сейчас хотите откусить голову Дубинину или после перерыва?» Насколько мне помнится, А. Д. захотел проделать это сразу... Тогда же А. Д. передал мне вариант записи выступления с его правкой. Приведу здесь неопубликованный ранее конец этой рукописи.

«Вот я сказал то, что хотел сказать, и тяжелое сомнение овладевает мною: может быть, не надо было говорить все это да к тому же так резко. Ведь попытки академика Дубинина не подействуют на серьезных ученых и врачей и поэтому едва ли вообще окажут влияние на нашу биологию и медицину.

Однако такое убеждение не совсем точно. Академик Дубинин воспользовался высокой трибуной и вовсе не исключено, например, что в каком-нибудь медицинском институте доцента, читающего генетику человека, будут привлекать к ответственности „за попытку“ — выражаясь словами Дубинина, — „ревизовать и упразднить марксистское учение о единой социальной сущности человека“.

Но кроме того, есть еще вопрос о чести науки, о нашей личной чести. Неужели мы примиримся с возрождением того порочного стиля, той борьбы против науки, которая бытовала 30 лет назад?

Каждый может ошибиться и даже наговорить вздор. Дело, в конце концов, не в отдельных ошибках, а в самих принципах науки. Маркс отмечал, что человека, который стремится приспособить науку к посторонним для нее целям — как бы наука ни ошибалась — такого человека я называю низким.

Речь идет именно о принципах науки, об объективности научного исследования, о научной добросовестности. Нельзя допустить, чтобы эти принципы попирались так громогласно и беззастенчиво».

С. Л. Соболев и полемика о статье Л. С. Понтрягина

1980 г. оказался богатым на события!

В «Коммунисте» № 14 за сентябрь 1980 г. появилась статья Л. С. Понтрягина «О математике и качестве ее преподавания». Это сочинение до сих пор вызывает не меньшие эмоции, чем статья Н. П. Дубинина. Ну а обе в одном томе журнала дают незабываемый аромат.

Статья Л. С. Понтрягина, как водится, была снабжена редакционным комментарием, где для непонятливых объяснялось:

«...автор прав, решительно выступая как против чрезмерного увлечения абстрактными построениями не только в преподавании математики, но и в ней самой, так и против псевдонаучных спекуляций в связи с ложным толкованием ее предмета.

Некритическое усвоение зарубежных достижений на относительно новых ветвях математики, гипертрофирование общенаучного значения этих достижений стали приводить к неверной оценке значения многих результатов математических исследований, в ряде случаев к идеалистической трактовке сущности предмета данной науки, к абсолютизированию абстрактных построений, умалению гносеологической роли практики. Излишнее увлечение абстракциями теоретико-множественного подхода стало неверно ориентировать творческие интересы студенческой и научной молодежи».

Такую риторику нельзя было считать случайной и безобидной. Уже в № 18 «Коммунист» опубликовал сообщение директора Математического института им. В. А. Стеклова АН СССР академика И. М. Виноградова, где отмечалось, что

«Ученый совет МИАН с удовлетворением воспринял выступление журнала «Коммунист» в форме письма академика Л. С. Понтрягина... Ученый совет МИАН поддерживает выступление журнала «Коммунист» и считает, что оно послужит оздоровлению преподавания математики в средней школе...»

Приведу несколько строчек из своих дневниковых записей конца 1980 г. для воссоздания напряженной атмосферы того периода.

- 14.10. Вечером звонил А. Д. Рассказал о статье в «Коммунисте» № 14: Понтрягин vs школа, С. Л. + Л. В. [Канторович] + редакционное замечание об идеализме в математике.
- 15.10. Помер М. А. Лаврентьев.
- 18.10. Утром читал мерзкую статью Понтрягина. Вечером заходил ненадолго к А. Д. Общались об этом.

- 24.10. Девятый день — хоронили Михаила Алексеевича...
- 25.10. Провалили в Институте Зельманова. Общался с А. Д. долго об этом и «Коммунисте».
- 26.10. Заходил ко мне А. Д. Давал читать 2 часть учебника. Затем я был у него. А. Д. хочет уходить.
- 30.10. ...Разбился, но чуть Г. П. [Акилов]. А. Д. сказал, что С. Л. написал в «Коммунист». Звонил Ю. Ф. [Борисов] о крайних точках.
- 3.11. Утром был на семинаре у В. Л. [Макарова]. Затем у С. Л. — о «Коммунисте». Он сказал мне прочесть его ответ. Затем был на семинаре у С. Л. с вьетнамцем. Затем вновь беседовал с С. Л. о статье (в промежутках я общался с А. Д.). С. Л. что-то много говорил о множествах и мощности.
- 4.11. Звонил мне С. Л. об организации Совета vs Понтрягин.
- 5.11. Осудили совет по защитах единогласно. Выступали Серебряков, Ю. Г. [Решетняк], А. Д. ...
- 10.11. Целый день общался с С. Л. и А. Д. о Понтрягине, а затем о Решетняке и Зеленьке (ибо завтра скандальный совет [в НГУ]).
- 11.11. Годовщина Бурбаки. Сократили на 40% Ю. Г. ...
- 12.11. Прошел семинар с А. Д. про речь Ленина на III съезде + vs Понтрягин... С Ю. Г. общались про L_p .
- 24.11. Искали с Л. М. [Крапчан] состав совета. А. Д. прибыл — он выступил на Общем собрании vs Дубинин. Тот ему отвечал... Прошел семинар об аттракторах с Устиновым (из Обнинска).
- 28.11. Единогласно поддержали апелляцию Зельманова. Прошло 20 лет М[атематико-]Э[кономическому]О[тделению].
- 3.12. Заходил к С. Л. о резолюции. Он сказал, что сам представит.
- 8.12. Был у С. Л. с А. Д., В. А. [Топоноговым] и В. В. [Ивановым]. Общались vs Понтрягин.
- 12.12. Чуть-чуть не продавили антипонтрягинскую резолюцию [на философско-методологическом семинаре]. Вечером был у А. Д. по этому поводу.
- 15.12. Общался с С. Л. о резолюции. Был на семинаре у него... В промежутке звонил Бокуть о своих бедах. Ширшов дал рекомендацию в партию Ершову...
- 23.12. Общались почти весь день с прибывшим Тихомировым, в основном в антипонтрягинском ключе.
- 24.12. Прошли защиты. [В. Н.] Дятлов 18-0=0 и [Г. Г.] Магарил[-Ильев] 17-0=0... Все было очень хорошо... Пили-гуляли у Дятлова...
- 25.12. Утром общался чуть с А. Д. ... Приняли антипонтрягинский текст + будет письмо в «Коммунист», которое будут готовить А. Д. + Ю. Л.

[Ершов] + [С. И.] Фадеев!

В такой обстановке мы жили тогда.

Мне запомнилась необыкновенная решимость А. Д. (что было предсказуемо) и Сергея Львовича (чего я от него не ожидал). Последний поразил меня 3 ноября, давая свой ответ в «Коммунист»: «Мне интересно Ваше мнение, но знайте, что письмо я уже отправил». Тогда же он мне показал копию аналогичного письма, адресованного кому-то из руководства ЦК КПСС (кажется, М. В. Зимянину).

Многие участники тех событий живы. Некоторые изменились к лучшему (а у иных остались на это шансы). Поэтому мне не хочется описывать все детали упорной борьбы за достойный ответ на статью Л. С. Понтрягина. Отмечу только, что решающими здесь были титанические совместные усилия Александра Даниловича и Сергея Львовича.

В результате 25 декабря 1980 г. была единогласно (sic!) принята резолюция Ученого совета Института математики, в которой, в частности, говорилось:

«Ученый совет выражает несогласие с теми, кто информировал редакцию «Коммуниста» о положении в математической науке, что послужило поводом к содержащимся в послесловии к статье академика Л. С. Понтрягина обвинениям в некритическом усвоении зарубежных достижений, в формалистическом поветрии, в неверной ориентации научной молодежи, в ложной трактовке предмета математика. Математика представляет собой единое целое и отрыв от нее фундаментальной более абстрактной части напоминает печальную память запреты на хромосомную теорию наследственности, причисление кибернетики к «науке мракобесов», запреты применений математических методов в экономике на основе фальшивых псевдонаучных соображений. Математика — дело чрезвычайно серьезное и важное для развития нашего общества. Поэтому в отношении к ней и суждении о ней необходима величайшая ответственность».

В тот год (не хочу вспоминать почему) было некоторое охлаждение взаимных отношений между А. Д. и С. Л. Поэтому получилось так, что готовились и редактировались проекты резолюции при моем посредничестве. Я храню черновики рукописей тех «челночных» операций на память о незабываемом жизненном уроке борьбы за научную истину.

Следует отметить, что Е. И. Зельманов, о провале кандидатской диссертации которого упоминалось выше, стал со временем Филдсовским лауреатом.

Позиция Сергея Львовича была освещена «Коммунистом» во фразе: «Отклики продолжают поступать. Среди них имеются выдержанные в полемическом тоне письма академика С. Л. Соболева, доцента П. В. Стратилатова,

профессора Ю. А. Петрова». Слова «академик Соболев, доцент Стратилатов, профессор Петров» стали для нас крылатыми на несколько лет.

Мы предприняли попытки опубликовать брошюрой резолюцию Ученого совета и подробный текст доклада А. Д. Александрова «По поводу статьи Л. С. Понтрягина в «Коммунисте» № 14, 1980 г.». Эти попытки не увенчались успехом — против выступил В. А. Коптюг. А. Д. давал мне читать личную записку В. А. Коптюга, в которой он — цензор (sic!) — укорял А. Д. за прокурорский тон и отказывал в публикации.

Все же научная общественность узнала о позиции сибиряков: по поручению С. Л. копии резолюции с приложением текста доклада А. Д. были разосланы по математическим учреждениям.

Позднее нечто подобное происходило с книгой А. Д. Александрова «Проблемы науки и позиция ученого», издание которой начальством Сибирского отделения тормозилось и стало возможным после вмешательства П. Н. Федосеева, который хорошо знал А. Д. и строго следовал в этом деле академическому этикету.

А. Н. Колмогоров и школьные учебники

А. Д. был человеком высоких принципов. Он сильно переживал положение с реформой школьного образования. В дневниках у меня сохранилась запись от 20 сентября 1981 года. А. Д. был у нас дома (в те годы это бывало нередко). Как говорится, пили-гуляли, а А. Д. прочел актуальную по тем временам свою басню «Лев на ниве просвещения»:

*Маститый Лев, наскучив пожиранием
Газелей Гранта, гну и прочих антилоп
Решил, как истый филантроп,
Заняться с рвеньем и стараньем
Зверюшечьих детей образованием.*

*Идею эту возымеv,
Зарыкал Лев.
И львиный рев потряс окрестные холмы:
«Вот это мы!
Что нам Евклид и Песталлоцци!
Учителя сидят в колодце
Застывших схем.
Все в школе устарело!
О равенстве фигур нам слышать надоело!
Да будет конгруэнтным телу тело:
То рефлексивно, симметрично, транзитивно.*

Нельзя же строить курс наивно.

*Его преобразую преотлично
Я лично!» —*

*Лев изрек и тут же в кучу поволок
Тела газелей, зебры бок и тушу гну.
Да не одну.*

*И ну терзать их и мешать —
Зверьятам курс готовить
Такой ученой пищи,
Какой нигде не сыщешь!*

*Ей начал Лев кормить зверят —
Крольчат, волчат и обезьянок.
Однако курс был слишком гадок
И никому невпроворот:
Кого от той науки рвет, кого проносит, —
Одни шакалы Льва возносят.*

*Так академик, может статься,
За школьный курс решив приняться,
Его корежит вкривь и вкось, хоть брось!
Напрасно школьники долбят.
Без смысла шкрабы им твердят.
Отцы и матери кряхтят.*

*Да мудрено ль? Коль вам твердят,
Что вектор — это перенос,
То в самом деле хватит вас понос.*

Был и экзотерический вариант финала:

*Всем в самом деле невтерпеж.
А кто страдает?
Молодежь!*

Эта басня возникла у А. Д. под впечатлением от одного малоудачного школьного учебника геометрии, написанного под патронажем А. Н. Колмогорова. Поскольку критику А. Н. Колмогорова, которого А. Д. очень ценил и уважал, немедленно взяли бы на вооружение антагонисты теоретико-множественной установки, А. Д. не считал возможным опубликовать свою басню в то время.

Для А. Д. недостаточно было критиковать имеющиеся школьные учебники и программы. Действий требовала и полемика вокруг статьи Понтрягина.

А. Д. ощущал себя обязанным предъявить свои курсы геометрии. Большой поддержки окружающих он не имел. К стыду, должен сознаться, что я старался держаться в стороне от этого дела: некоторые находки А. Д. не казались мне бесспорными, а вникать в существо — без чего возражать А. Д. было безнадежно — я не мог, так как был увлечен работой над учебником функционального анализа и «нестандартной» пропагандой.

Труда в свои школьные учебники А. Д. вкладывал очень много и добился их опубликования, что было не слишком просто. Мне кажется, помогли его старые связи с М. А. Прокофьевым, тогдашним министром просвещения. Несколько лет в 80-х годах А. Д. состоял в УМСе Минпросвета (какое-то время в роли председателя математической секции). Как-то мы пересеклись с А. Д. в Москве и за компанию я поехал вместе с ним на заседание этого совета. Меня поразило убожество того закутка, где принимались решения, касающиеся судеб миллионов учеников.

Позже, уже вернувшись в Ленинград, А. Д. завершил работу над целым набором учебников геометрии с 6 по 11 класс, причем как для обычных школ, так и для школ с углубленным изучением математики.

Наука в центре культуры

А. Д. был человеком, обладавшим цельным мировоззрением. Он выстрадал совершенную систему взглядов, позволявшую ему глубоко анализировать общие философские проблемы и отвечать на вызовы современности.

Мне не раз посчастливилось слушать публичные лекции А. Д., неизменно находившие отклик в любой аудитории. Запомнилось его яркое выступление на конференции «Место науки в современной культуре», проходившей в Новосибирском Академгородке в конце апреля 1987 г.

А. Д. назвал свой доклад «Наука в центре культуры», чем раззадорил часть присутствующих, страдавших антипатией к науке. В бумагах сохранились мои записи тезисов выступления А. Д. Приведу часть из них.

Мы живем в век науки.

Ложные тезисы: наука вне культуры; наука в ряду с утопией и идеологией; наука как средство дегуманизации.

Это — злоба философов. Философ — неудавшийся ученый, преисполненный манией величия.

В центре культуры — наука. Объективно, наука — система знаний и представлений... В центре науки должен быть человек. Человек не только как творец, но как предмет и конечная цель деятельности и размышлений. Наука задает вопрос не только «Как?», но и «Для чего?».

Истина есть средство добра. Наука ведет к истине и всеми своими установками апеллирует к разуму и тем самым духовно раскрепощает людей.

А. Д. глубоко разбирался в религии, всегда противопоставляя религиозную веру научному поиску. Со свойственной математикам склонностью к точным определениям он нередко цитировал слова Вл. С. Соловьева из статьи «Вера» в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона:

«**Вера** (филос.) означает признание чего-либо истинным с такою решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств».

А. Д. любил подчеркивать, что ни во что не верит. Эта сентенция часто вызывала реплику из публики: «Даже в коммунизм?», на что следовал неизменный утвердительный ответ А. Д. Надо ли говорить, что лекции А. Д. нередко сопровождались доносами в парткомы и райкомы.

Довольно подробно свои мысли о взаимоотношении науки и религии А. Д. изложил в брошюре «Научный поиск и религиозная вера», изданной Политиздатом массовым тиражом в 1974 г. Мне кажется, что это сочинение не потеряло своей актуальности в наше время невиданного расцвета мистицизма и лженауки.

Много лет назад мне запомнились строчки С. Я. Надсона, написанные в 1883 г. и удивительным образом созвучные воззрениям А. Д.:

*«Верь, — говорят они, — мучительны сомненья!
С предвечных тайн не снять покровов роковых,
Не озарить лучем желанного решенья
Гнетущий разум наш вопросов мировых!»
Нет, — верьте вы, слепцы, трусливые душою!..
Из страха истины себе я не солгу,
За вашей жалкою я не пойду толпою —
И там, где должен знать, — я верить не могу!..*

О. А. Ладыженская и борьба с последними клеветами

В конце 80-х годов Александр Данилович стал объектом клеветнических атак, дошедших до обвинений в «лысенкоизме». В те годы Ю. Г. Решетняку и мне довелось немало писать об А. Д. В нас кипела ненависть к клеветникам, но писалось легко в знакомой приятной горячке письменного оформления только что доказанной новой теоремы. В самые критические моменты мы находили объективные факты, свидетельствующие об интеллектуальной добросовестности А. Д., его преданности науке и заботе о судьбах ученых.

Начитавшись лживых воспоминаний, цитатных манипуляций и архивных материалов, включая доносы и квазидоносы в «компетентные органы», и основательно поднаторев в адвокатских приемах, я только тогда оценил нравственную позицию О. А. Ладыженской, которую связывали с А. Д. долгие товарищеские отношения.

Весной 1989 г. мне довелось быть в Ленинграде как раз в разгар полемики об александровском «лысенкоизме». Ольга Александровна попросила заехать к ней в ЛОМИ. В отличие от большинства (даже друзей А. Д., всегда требовавших от меня объективных доказательств его невиновности), Ольга Александровна отмела все мои попытки показать документы, сличить цифры и т. п.: «Сема! Мне этого ничего не надо. Скажите только, что мы должны сейчас сделать для А. Д.».

Мне казалось, что позиция ленинградских математиков будет для А. Д. важна. Ольга Александровна согласилась с этим мнением. Она была тогда заместителем председателя Ленинградского математического общества (а председателем — Д. К. Фаддеев).

Вскоре В. А. Залгаллер переслал мне в Новосибирск следующее заявление ЛМО, единогласно принятое на заседании 28 марта 1989 года:

«В связи с опубликованием в журнале «Энергия» (1989, № 1) письма академика Сибирского отделения АН СССР В. Е. Накорякова Ленинградское математическое общество (ЛМО) заявляет, что письмо В. Е. Накорякова содержит клевету (доказательно опровергаемую) и попытку опорочить члена ЛМО, выдающегося математика, академика А. Д. Александрова. Ленинградские ученые помнят многочисленные добрые дела А. Д. Александрова: его усилия помогли сохранить в трудные годы науку и отдельных ученых, что требовало от него большого личного мужества».

А. Д. был тронут этим заявлением, а для Ю. Г. Решетняка и меня оно стало важным подспорьем в публичной полемике тех лет.

Читатель, заинтересовавшийся подробностями, может восстановить основные детали, просмотрев соответствующие материалы в Вестнике АН СССР №7 за 1989 г. и №3 за 1990 г., а также статьи в газете «Наука в Сибири» от 10 марта и 13 октября 1989 г.

По прошествии десятилетия виден резкий контраст между фигурой умолчания официальных академических фигур того времени, таких как В. А. Кириллин, В. А. Коптюг, Г. И. Марчук и др., и поведением ученых, считающих защиту чести коллеги от клеветы своим долгом.

Сохранился ряд писем, не опубликованных из-за позиции академического истеблишмента того времени. Мне дороги слова моего давнего товарища, профессора МГУ В. М. Тихомирова:

«Я уверен, что А. Д. Александров принадлежит к числу тех, кто служит и служил силам добра. Я хочу через вашу газету выразить свое чувство восхищения перед ним, перед его яркостью, духовной одаренностью и человеческой широтой. Мне не доводилось слышать, что Александр Данилович приносил вред людям, с которыми сталкивался в жизни, но слышал, что он помогал им и способствовал развитию науки.

Для меня исключительно значимы слова В. И. Смирнова, человека несравненного нравственного совершенства, который писал, что А. Д. Александров руководил Университетом силой морального авторитета!»

Надо ли говорить, что А. Д. была важна позиция его современников.

У меня нет желания описывать в деталях эту историю, хотя у нее был и «happy end»: в октябре 1990 г. А. Д. был награжден за особый вклад в сохранение и развитие отечественной генетики и селекции вместе с группой биологов.

Указ о награждении состоялся по инициативе профессора Н. Н. Воронцова, тогдашнего председателя Госкомприроды СССР. В просторном интервью газете «Известия» от 3 ноября 1990 г. Николай Николаевич свидетельствовал:

«Александр Данилович был ректором Ленинградского университета и сделал чрезвычайно много для сохранения и развития генетики. Он приглашал в ЛГУ людей, изгнанных за их научные убеждения из других городов. Молодые просто бежали под защиту Александра Даниловича Александрова. Курсы лекций в ЛГУ резко отличались от того лысенковского бреда, который несли (боюсь, и до сих пор несут) преподаватели сельскохозяйственных вузов. Это определило атмосферу вообще в научном Ленинграде.

Александров заботился об уровне всей науки. Ученые знают: уничтожение одного из направлений бьет по всему фронту науки. Вот почему год за годом физики и математики писали письма в ЦК партии о значении генетики. Кстати, когда говорят, что А. Д. Сахаров поздно встал на путь политической борьбы, — это неправда. Его имя стоит под письмом физиков 1953 г. Как и имена Капицы, Семенова, Варги. Вручал это письмо Хрущеву Курчатов. Вслед за письмом физиков пошло письмо математиков — Колмогорова, Соболева, Александрова, Лаврентьева. Я был мальчишкой-аспирантом первого года обучения, когда собирал эти подписи».

Английский язык

Хочется отметить еще одну черту А. Д., о которой не всем известно. А. Д. был человеком тонкого художественного вкуса с поэтическим даром. Приведенная выше басня — одно из многих его стихотворных сочинений.

А. Д. блестяще владел английским языком, читал на нем лекции, цитировал классику и классиков, даже писал стихи по-английски.

Как это не удивительно, один из наших первых разговоров с ним в середине 60-х годов проходил на английском языке (я был вчерашним школьником, а А. Д. — новоиспеченным академиком). Помнится, в зале маленькой столовой Дома ученых в Золотой долине присутствовал какой-то, как теперь говорят, «англоязычный» дипломат. А. Д. сказал, что неприлично говорить на языке, понятном не всем присутствующим, и мы перешли на английский.

Запомнился случай из 70-х годов, когда по какому-то поводу я привел по-английски строки из 66-го сонета Шекспира, а А. Д. с ходу продолжил. Все это было задолго до грузинского «Покаяния» Т. Абуладзе.

В начале 90-х годов обстоятельства заставили меня написать книжечку по английской грамматике для облегчения жизни друзей, занятых поисками источников пропитания. А. Д., всегда очень внимательный читатель, указал мне опечатки в английской цитате из Екклесиаста.

А в июне 1993 г. он прислал написанные дрожащей рукой стихотворные строчки:

*Since legs, nor hands, nor eyes, nor strong creative brain,
But weakness and decay oversway their power,
I am compelled forever to refrain
From everything but waiting for my hour.*

Других стихов он больше мне не присылал...

Г. Табидзе

В октябре 1983 г. мне попалось на глаза стихотворение «Бушуй!» Галактиона Табидзе, датированное 1911 годом.

*Бушуй, беснуйся жизни океан,
Безумствуй, плюй в глаза мне грязной пеной —
Седой скале не страшен ураган;
Я устою! Мне море по колено!*

*Не раз в лицо хлестал мне злобный вал,
Грозь низринуть в бездну роковую,
Не раз своею грудью отражал*

Я клевету и ненависть людскую;

*Не раз мой парус, прорванный насквозь,
Не слушая руля, не внемля стонам,
В тумане, без дороги, вкривь и вкось
Носил меня по волнам разъяренным!*

*Лихой удел в борьбе меня постиг,
Сказал «прости» я радужным мечтаньям.
Утрат моих не счесть, но вместо них
Суровый опыт стал мне достояньем.*

*А опыт никому уж не отнять, —
За ним, зовя насиле к ответу,
Иду я в бой! Мне нечего терять —
Приобрести ж могу я всю планету!*

*Бушуй, беснуйся жизни океан,
Безумствуй, плюй в глаза мне грязной пеной —
Седой скале не страшен ураган;
Я устою! Мне море по колено!*

С тех пор эти строки напоминают мне об А. Д. Как хорошо, что А. Д. знал об этом...